

An illustration of a young man and woman standing back-to-back. The woman on the left has long, wavy reddish-brown hair and blue eyes, wearing a dark olive-green coat. The man on the right has short, spiky brown hair and blue eyes, wearing a dark black shirt. They are both looking slightly away from the viewer with serious expressions. The background is a deep red with glowing, arched light patterns, suggesting a window or a stylized architectural element. Small, glowing red particles are scattered throughout the scene.

Евгения Чая
Дело было
в Ручейках

Евгения Чая

Дело было в Ручейках

<https://litres.ru/74201108>

SelfPub; 2026

Аннотация

В деревне Ручейки что-то происходит. Нечисть, ведьмы и тому подобное: селянам вот даже жалобу в инквизиторский отдел пришлось подавать! И разобраться в этом предстоит ведьме Агате и инквизитору Константину.

Вот только Агате надлежит защитить обвиняемую в преступлении ведьму, а Косте как раз наоборот. Чтобы выяснить, что на самом деле происходит в Ручейках, героям волей-неволей придётся объединить силы.

Примечание: бешеных страстей и острого противостояния характеров не предусмотрено! Будет мило и симпатично. И не говорите, что вас не предупреждали.

Евгения Чая

Дело было в Ручейках

АННОТАЦИЯ

В деревне Ручейки что-то происходит. Нечисть, ведьмы и тому подобное: селянам вот даже жалобу в инквизиторский отдел пришлось подавать! И разобраться в этом предстоит ведьме Агате и инквизитору Константину.

Вот только Агате надлежит защитить обвиняемую в преступлении ведьму, а Косте – как раз наоборот. Чтобы выяснить, что на самом деле происходит в Ручейках, героям волей-неволей придётся объединить силы.

Примечание: бешеных страстей и острого противостояния характеров не предусмотрено! Будет мило и симпатично. И не говорите, что вас не предупреждали.

ГЛАВА 1. Щенки

(Агата)

Вопреки ожиданиям, первая миссия Агате досталась довольно-таки скучная. Ну вот не для того она в ведьминой школе протирала юбку на лавке, не для того получила диплом защитницы, чтобы ехать в какие-то унылые, скучные Ручейки! Выручать предстояло даже не настоящую ведьму, а гадалку. К таким у всех, кто хоть сколько-то магией владел, отношение было пренебрежительное. Но по реестру гадал-

ка вроде как была «наша», то есть относилась к колдовскому сообществу (или, по старинке, ковену), и деваться Агате Кириной было некуда. Надо ехать и защищать. Подробности ей не давали, только сказали «дело там несложное». Надо было приехать, разобраться, провести расследование и выстроить линию защиты.

В электричке Агата с радостью отметила, что народу пока немного. Поезда и электрички она любила. Нравилось ей глазеть в окошко на мелькающие поля и леса, домишки и станции, пригорки, стада и всё остальное. Поездки настраивали её на особый лад, какой-то очень романтический и немного меланхоличный. Жаль только, что ехала она не одна. Едва поезд тронулся с места, как напротив сел молодой парень, плюхнув рядом с собой на сиденье объёмистый баул. Маленький спортивный рюкзачок он оставил на коленях.

– Привет, – сказал парень. – Куда едешь?

Агата не ответила, только дёрнула плечами, показывая, что не расположена болтать с незнакомыми парнями, даже если у них рыжий чуб смешно торчит над высоким чистым лбом, а серые глаза так и светятся задором да весельем. Симпатичный, в общем, парень. Наверняка не из сельской местности, вон какой модный рюкзачок себе отхватил – то ли в команде какой-то числился, то ли в магазине «Спортивная жизнь» очередь отстоял ...

Почти сразу после того, как электричка поехала, в вагоне возникли пухловатый контролёр и худощавый милиционер.

– Билетики предъявим, – сказал контролёр.

– Документы готовим, – вторил ему милиционер.

– Видишь, какие мы подозрительные личности, – подмигнул Агате парень и протянул милиционеру паспорт.

– Билет до Ручейков, – сказал контролёр как будто бы тревожно.

– По какой надобности едете в Ручейки, граждане студенты? – спросил милиционер с недобрым весельем.

– Мы не вместе, – Агата смерила быстрым взглядом своего попутчика. – Я вообще по работе. В командировку.

О, как же солидно это звучало: «командировка»! А так-то даже жить пока негде, и если придётся задержаться больше, чем на день, придётся по дворам ходить, искать комнату...

– Я тоже работать, – сказал парень. – А что, в Ручейки нельзя по работе?

– В Ручейках нынче неспокойно, – возвращая документы, ответил милиционер. – Происходят там всякие...

– Чудеса, – подсказал контролёр.

– Безобразия, – не согласился милиционер. – Да и студентов понаехало, хулиганят. Пр-рактиканты, – добавил, будто ругательство. – Счастливого пути.

Контролёр засеменил за ним. Стайка ребят лет четырнадцати-пятнадцати, хихикая и шушукаясь, упорхнула в соседний вагон. Почуввав неладное, контролёр устремился за ними.

– В Ручейки. Значит, нам по пути, – сказал парень спо-

койно. – Я, если что, Костя.

– Рада за вас, молодой человек, – ответила Агата и огляделась по сторонам, куда бы пересесть. Но как назло, места у окошек были уже все заняты. К тому же приближалась небольшая станция, Деминская, а там могли набежать туристы. Тут встанешь – там уже не сядешь, и придётся до пятидесяти третьего километра или даже до Зазоров ехать стоя.

– Рюкзак твой закинуть? – спросил Костя, вставая и засовывая свой баул на сетчатую полку над окном.

– Не трогай, – огрызнулась Агата.

– Прости, я уже пару раз за него задел, но если хочешь, могу отряхнуть, – усмехнулся парень.

Она не удержалась и тоже улыбнулась.

Всё-таки он был довольно славный, этот спортсмен или кто он там с его рюкзачком. Из тех, кто не зануда-отличник и в то же время не хулиган-безобразник.

– Но рюкзак всё же не убирай, – сказала Агата. – У меня там термос и бутерброды.

– О, – обрадовался Костя. – Это весьма кстати! А у меня пирожки. Бабушкины. Варёных яиц и огурцов только не хватает – классика поездов.

– И курицы, – засмеялась Агата. – Но нет, яйца и курица – это для плацкарта.

– А для купе?

– А для купе вагон-ресторан, – авторитетно заявила девушка. – Только я никогда в купе не ездила. Мы даже до Та-

врики в плацкарте ехали.

– И как там Таврика? – поинтересовался Костя, доставая из своего рюкзака полиэтиленовый мешок.

В нём, отдельно завёрнутые в вафельное полотенчко, ждали своего часа жареные пирожки. Запах пробивался сквозь все преграды.

– Таврика там прекрасно, но нынче едем в другую сторону, – вздохнула Агата.

– Круглые с мясом, длинные с картошкой, – сказал парень, тем самым приглашая «к столу».

Бутерброды Агаты тоже не подкачали. Колбаса была не какая-нибудь там, а настоящая полукопчёная, нарезанная толстыми аппетитными ломтиками. И сыр с дырочками.

– И с той поры началась у них совсем другая жизнь, – сказал Костя.

Агата налила ему чай в эмалированную кружку, а сама, обжигаясь, стала прихлёбывать из жестяной крышечки термоса.

– Сладкий, – жмурясь, протянул Костя. – Как поцелуй.

И вприщур посмотрел на Агату. Та сделала вид, что и не заметила, и не расслышала. За пирожками и немудрено: у неё, наверно, за ушами трещало. С картошкой были самые лучшие. Или всё-таки с мясом?

К концу трапезы остался один длинный пирожок и один большой красивый бутерброд.

– Давай разделим, – предложил Костя. – Сейчас разло-

маю...

– Так вон же у тебя нож, – кивнула Агата на рукоять, видневшуюся из его сумки.

– Это не такой нож, чтобы им что попало резать, – парень тут же спрятал рукоятку поглубже и разломил пирожок пополам.

Но с бутером было не всё так просто. Пришлось Агате лезть в свой рюкзак. В нём в боковом кармане она нашла свой любимый перочинный нож с белкой на роговой рукоятке. Аккуратно разрезав бутерброд, она торжественно передала парню половину. Он с полупоклоном протянул ей полпирожка.

– Преломление хлеба, – сказал с усмешкой.

– И совместное распитие, – прыснула Агата в полупустую крышку от термоса. – Не боишься, что это всерьёз будет считаться за ритуал?

– А пора бояться? – с серьёзным лицом спросил Костя.

– Тебя не учили бояться незнакомцев, да? – Агата сделала страшную рожицу. – Рыжих, страшных незнакомых дядь и тёть.

– Я сам рыжий, – хитро сказал Костя.

– Сочувствую, – засмеялась девушка. – Не знаю, как тебя, а меня в детстве дразнили.

– Рыжей-рыжей-конопатой? Или рыжей-бесстыжей? Ну, ты, может, заслужила.

– Тебе разве не доставалось?

– Немного, – уклончиво ответил парень.

– Хочешь, догадаюсь, зачем ты едешь в Ручейки? – спросила Агата. – Уже середина августа, уже все с летней практики домой возвращаются, так что ты точно не студент. Ну и вообще с учёбой это не связано...

– Вообще-то связано, – начал Костя.

– Не мешай, – она прищурилась, пытаясь разглядеть что-нибудь интересное в ауре парня: подсказку или знак. Но аура была ровная и похожая... на стену. Чёрт, да он, похоже, умел ставить защиту. – Тебе не больше двадцати пяти, скорее даже – двадцать три. У тебя модный рюкзак, но старые брюки. Тёмная рубашка, олимпийка... Ты учитель физкультуры! В деревню едешь немного заранее, чтобы обжиться. Да?

– А ты что, литературу едешь преподавать? Будешь детям рассказывать о детективах сэра Игнасиуса Ронана Дэйла?

– Такое даже на внеклассном чтении не читают, – с сожалением вздохнула Агата. – Но нет, я в командировку по служебному делу. Я защитник.

Костя прищурился, посмотрел на Агату каким-то странным, долгим взглядом, потом молча отвернулся к окну.

– Что? Вспомнил какой-нибудь особо ужасный детектив? – спросила девушка язвительно.

– Вспомнил, – сказал он. – Только не Ронан Дэйла, а Клариссу Мэллоун.

– Где взял? – жадно спросила Агата. – В нашей студенческой библиотеке её не сыщешь!

– Зато в нашей бывает, – ответил Костя словно бы нехотя.

– Ух ты, – оживилась девушка. – Слушай, когда сможешь раздобыть Клариссу Мэллоун, ну вот хоть что, любую книгу, позвони мне, я всего на пару дней у тебя возьму почитать. Ладно? Я быстро читаю!

– Я же буду в Ручейках, а библиотека останется где и была – там, в Краснокаменке, – напомнил Костя. – Забыла? Буду в школе: учителем физкультуры и заодно трудов.

– Ну и сиди там до пенсии, – огорчённо сказала Агата. – Как будто кого-то три часа на электричке сильно заботят. Как будто каникул не бывает. Как будто ты к своим ездить не будешь! И вообще!

– И вообще что? – спросил парень. – Я даже понятия не имею, есть ли в Ручейках телефон.

– Есть, конечно. У председателя и на почте. Иначе откуда бы нам позвонили, что...

Тут Агата осеклась.

– Что? – спросил Костя и вдруг посмотрел совсем уж пылливо, пристально.

Как инквизитор на допросе.

Девушке стало не по себе.

– Ничего, – ответила она.

Болтать как-то враз расхотелось, и она принялась глазеть в окно. И в итоге они доехали до Ручейков практически в полном молчании. Когда выходили, Костя понёс вместе со своими вещами и рюкзак Агаты, но она его потом молча за-

брала обратно. Даже не позволила помочь вскинуть рюкзак на спину.

Электричка уехала, на станции никого не осталось. Впрочем, село было недалеко, весь как на ладони просматривалось с дощатого перрона.

– У тебя есть где заночевать? – спросил Костя, идя рядом с Агатой по пылящей под кедами грунтовке.

Она только покачала головой.

– Найду! – сказала безнадёжно. – Поспрашиваю у родни или друзей той женщины, чьей защитницей я буду.

– А что значит «защитница»? – запоздало спросил Костя.
– Адвокат?

– Примерно, – уклонилась от прямого ответа девушка. – Ну, то есть приблизительно.

– А я в местный клуб, – сказал парень. – Временно. Если не найдёшь, куда приткнуться, можешь пойти туда. У меня есть спальник!

– Хочешь сказать, что мы с тобой... в одном спальнике? – хохотнула Агата и с удовольствием отметила, что Костя покраснел. – Да нет уж, я как-нибудь без этого переживу. Лето на дворе, можно и на улице переночевать, на лавочке.

– Август, – многозначительно сказал Костя.

– Что – август?

– Ночи холодные. Долгие. Простудишься. А спальник я предлагал тебе в личное пользование. Без-воз-мезд-но. То есть даром!

– Понятно, – сказала Агата.

Дорога по обеим сторонам уже украсилась огородами, домишками, сараями да амбарами. Чуть поодаль высилась башенка элеватора.

– Красота, – без особого энтузиазма сказал Костя.

– Ну, пока, – попрощалась Агата, когда они дошли до центра деревни.

Тут был и клуб, и сельсовет, и сельпо с распахнутыми настежь рыжими дверями. Всё вокруг выглядело неплохо – улицы аккуратные, заборы крашеные, бродячие собаки не бегали с голодными глазами. От пруда ровным строем маршировали гуси, белые с оранжевыми носами, под предводительством огромного серого гусака.

«Как пионеры, – подумала Агата. – А серый – вожатый!»

Вожатый, будто осознавая важность своей миссии вести всегда готовых к какой-то цели – наверное, к кормушке! – повернул к ведьме голову и опасно зашипел.

– Цыть, – сказала Агата дурашливо и, оглядевшись по сторонам, убедилась, что никто не видит. А тогда достала из кармана небольшой травяной комочек и бросила гусаку.

«Скажи, где дом местной ведьмы!»

Он охотно поймал угощение и вытянул шею. Хлопнул крыльями и доложил:

– Га-галина Спивакова! Улица Прогресса, дом га-га!

– Какой дом?

– Га-га-два!

– Два или двадцать два?

– Га-га, – очевидно, всё-таки это был номер два.

– Спасибо, серенький.

– Го-гоша!

– Гогоша? Ну хорошо. А я Агата!

– Ага-гата! Агата! Ага-гата!

Гусю понравилось имя. Он повторял его снова и снова, ведя «пионеров» домой.

Щурясь на яркое солнце, девушка проводила жожака взглядом и пошла искать улицу Прогресса.

(Костя)

«Щенки». Так их называл Командор.

«Щенки» были, конечно, разные, кто спокойный, кто нервный. Случались брехливые и даже трусоватые. Но все они были зубастые ребята. Что называется, «палец в рот не клади».

Их учили слушать. Учили выполнять команды: от «голос» до «умри». Учили жить и умирать ради высшей цели. Они давали присягу под портретами Вождей.

Из щенков вырастали псы, которые с радостью служили стране.

Кто-то говорил, что страна доживает своё. Кто-то спорил, что ещё поживёт. В светлое будущее уже не шли строем, а пытались с опаской заглянуть поодиночке. Но Псы Вождей продолжали хватать за пятки тех, кто вредил людям. Как в старину, когда они звались Псами Господними.

Двадцатичетырёхлетний Константин «Векша» Белкин никак пока на пса не тянул. Да и не стремился. По правде, нравились ему больше всякие лисы и белки, да и лес он любил. В кружке по туризму всегда получал грамоты за достижения, особенно за спортивное ориентирование.

В лесу ещё водились ведьмы. Старые, не сказать – древние. Ещё царя Гороха небось помнили или самого Берендея. Со старыми вот и бывали проблемы! Молодых ведьм нарочно выискивали, вносили в специальные списки, воспитывали так, чтоб не вздумали вредить, а приносили бы только пользу. Они вырастали и служили человечеству. Многих ведьм вербовали для внешней разведки, ну а что? У них было полно талантов! Но старые – другое дело.

Добро бы они были ведуньи и знахарки. Так ведь нет, могли по старинке и порчу навести, и болезнь какую-нибудь наслать. Говорят, в позапрошлом году ведьма-диверсантка, ставосьми лет от роду, колодец отравила, а при поимке устроила такой катаклизм, что три опытных инквизитора едва не погибли. Чудом спаслись.

К такой вот ведьме, из старых, хотя и не из таких опасных, в село Ручейки и направили Костю: «щенка», получившего первое задание.

Жалобы на пришлую ведьму приходили из Ручейков неоднократно, но сначала ведьма не причиняла односельчанам особого вреда. Поселилась на окраине, привела в порядок домишко, приторговывала целебными травками и зеле-

нюю со своего огорода. Жаловались на неё в основном пожилые женщины, которым «не помогло», да ещё местный поп. Всё ему не нравилось в приезжей женщине. Инквизиторам он писал старательно, почти без ошибок, причём столько, что ведьмину биографию можно было по его запискам изучать.

К примеру, выяснил он, что раньше женщина жила в Подсолье и в Малых Курочках, а потом переехала в соседнее с Ручейками село и уже оттуда перекочевала в соседки к Бажановой Ксении и Николаю Алтыну. И что тот Алтын сразу заподозрил недоброе, тем более, что у него дочка на выданье, а у ведьмы глаз дурной, чёрный. Писал батюшка вдохновенно, литературный стиль ему был не чужд. «В тридцать седьмом письме хочу живописать новое преступление ведьмы Галины С. против народа и религии. Прошла она дворами за часовню, да и выплеснула там свои помои, при этом зловеще хохоча и поводя глазами чёрными, и кто встречался с нею взглядом – тот бежал прочь, опасаясь порчи и сглаза. Только в церкви и видели своё спасение!»

«А в церкви нынче тоже беспокойно стало, будто кто-то святые стены ея осквернил. Пришлось ехать в райцентр Раево за святою водою, потому что нашу я уже всю супротив Галины С. извёл!»

«В сороковом письме сообщаю, что Игорь Лопаткин выдернул из грядки молодую морковь, обтёр её полый да съел, а после выпил ведьмина отвара от поноса. Да так это ведь-

мовское зелье на него подействовало, что аж кишки чуть не выпростал из себя. Три дня несло Лопаткина. На четвёртый увезли в райцентр, в больницу»

Дурной глаз и расстройство кишечника якобы из-за противопоносного травяного сбора – это, знаете ли, не то, ради чего надо отправлять в Ручейки дознатца. Молодой немытой морковью прямо из земли можно и целую роту солдат обрадовать так, что по всей части треск и зловоние будет неделю стоять. Над письмами и попом, да другими деревенскими в отделе следственном смеялись, а новые доносы читали со смехом. Зачитывались всем отделом расследований, а то и всем районным инквизиторским судом. Каждого нового письма ждали с нетерпением.

И дождались.

«В сорок седьмом письме довожу до вашего сведения, что произошла в Ручейках страшная история. Дочь Николая Алтына, Алёна Алтын, встала ночью воды попить. И вдруг смотрит: на окне сидит кошка. Окно-то тюлью было затянуто, да и кошки в доме Алтынов не водилось. Однако сидела кошка, чёрная, большая, и смотрела, а глаза светились. Испугалась наша Алёнушка, вздрогнула, да ковшик в кошку бросила. Гром, звон поднялся, ковшик-то тяжёлый был, эмалированный. Только вот кошка та не убежала прочь, а прыгнула с подоконника и на девушку бросилась, оцарапала ей ноги. Закричала тут Алёна, принялась от животного отбиваться, а у той глаза знай горят нехорошим светом, алым,

бесовским.

На крики тут прибежал сам Николай с ружьём, выстрелил и в кошку попал. Она в окно выскочила, через улицу побежала к дому ведьмы Галины, и Алёна с Николаем видели, что на заднюю правую лапу сильно хромала. Утром же увидели в сельпо ведьму в юбке вместо городских её брюк, хромающую на правую ногу. «А что это вы, соседushка, хромаете?» – спросил Николай Алтын. «Цыплят кипятком шпарила да вот на ногу плеснула», – ответила Галина и юбку приподняла, а правая нога-то у неё была вся забинтованная от щиколотки до колена. Разве возможно так на ногу плеснуть?»

– Гоголя бы ему на ночь поменьше читать, – сказал с удивлением Костя Векша, когда письмо было дочитано.

– При чём тут Гоголь? – сердито сказал Командор. – Гоголь, он когда жил?

– Да ведь чисто по «Вечерам на хуторе» письма. В позапрошлый раз у него ведьма разрежала красную олимпийку и везде подсовывала лоскуты, а в клубе пошли рассказы страшные. В прошлый ведьма беса вызвала и с ним предавалась любовным утехам. Это сколько там ей лет? Семьдесят? То есть она огого какая бабуля, если беса соблазнила, – Костя достал пачку писем, штук пятнадцать, и стал их перебирать. – А в сегодняшнем, глядите, кошку они ранили и утром ведьму якобы с такой же раной увидали. Так что поп в Ручейках почитать очень любит. На ночь. Как сказки Гоголя кончатся, он за другие возьмётся. Может, предложить ему

Грэма Спокера? Глядишь, с ведьм на вампиров переключится.

– Вот поезжай и предложи, – буркнул Командор. – А заодно проверь, что там на самом деле за ведьма, потому что старая школа – это старая школа, тут надо ухо держать востро. И слушай, вот тебе на всякий случай кинжал инквизитора и звезда.

– Ого! Щенку – и вдруг звезда? – высказался кто-то из ребят – из тех, кто позубастее Векши.

– Он закончил курс обучения, как и вы все, – сказал Командор. – Пора браться за серьёзную работу.

Вот Костя Белкин и поехал в Ручейки.

И с первых минут поездки уже показал (сам себе и миру) свою профнепригодность.

То, что он сходу без магинвентаря не распознал в симпатичной девчонке ведьму, Костя себе простить никак не мог. А ведьмы – это...

Любой, даже в шутку сотворённый ритуал, любое слово из околوماгических, вроде «спасибо» или «здравствуйте», в общем, всякая в общем-то мелочь у ведьм идёт в дело. Становится настоящим. Превращается в инструмент. Трава, которую человек топтал ногами, дерево, у которого он сидел, записка, даже простой волос или перхоть на одежде – ведьма всё тащит в свой котёл. И хотя в небольшом брезентовом рюкзаке рыжей Агаты вряд ли нашелся бы и простой походный котелок, Костя огорчился. Не из-за котелка, конечно. А

из-за себя.

Он не был бдителен. Он опростоволохился. Он преломил с ведьмой хлеб, между прочим, а это бытовой ритуал повышенной важности. Теперь Костя ничего не мог сделать против ведьмы.

Утешало только, что и она ничего против него не могла.

Но до чего же симпатичной оказалась эта ведьма! Костя дошёл уже до клуба, а улыбка всё не покидала его лица, несмотря на то, что он изрядно навалял сегодня дурака.

Агата. Красивое, между прочим, имя. У писательницы детективов Клариссы Мэллоун второе имя было «Агата». Так вот и звали её, длинно и сложно: Кларисса Агата Мэллоун. И читать любит, да ещё детективы! А ещё, по-видимому, девушка была таким же «щенком», как сам Костя Белкин. Видно, что по своему заданию ехала впервые. Выдала себя перед первым встречным, сказав, что является защитницей...

И Костя вдруг решил для себя, что завтра под любым предлогом хорошо будет отыскать в деревне ведьму Агату и пригласить погулять. Инквизиторы не должны были завязывать с ведьмами серьёзных отношений, это было не принято. Сотрудничество одобрялось: ведьма может стать ценным информатором и даже быть консультантом в отделе расследований. И влюбляться никто не запрещал в этих ведьм. Но, как иногда мрачно шутил командор, «после всё равно жечь!» В смысле, конечно, не физически, а порвать отношения. «Щенкам» ещё не приходилось жечь мосты. Но при-

сягая, они были готовы и к этому.

Однако взвешивая все риски, все за и против, Костя думал, что и до «сжечь» дело просто не дойдёт. Погулять, может быть, искупаться в речке – здесь ведь есть речка, да? Поговорить о книгах.

Дальше его планы в отношении ведьмы Агаты как-то и не заходили, хоть и мечталось о чём-то, пока довольно смутном.

ГЛАВА 2. Деревенька

(Костя)

Сельский клуб стоял запертым на амбарный замок. На крыльце – толстый слой пыли без единого следа. Костя окинул взглядом запущенный палисадник, из которого пёрли ветви черёмухи, усыпанные поспевшими ягодами. Впритык к выкрашенной синей краской одноэтажке стоял его гордый сосед – двухэтажный дом с просторным крыльцом и двустворчатой дверью. На крыльце лежал тряпичный половичок, а ступени были только что вымыты и ещё блестели от воды. Костя поднялся по трём ступенькам и окинул взглядом таблички: исполком сельского совета, библиотека, участковый инспектор МВД... Пока изучал – на крыльцо вышла молодая, полнотелая девушка в сером халате поверх пестрого платица и в калошах на босу ногу. Перекинула через перила крыльца оцинкованное ведро и выплеснула грязную воду на давно отцветшие кусты сирени.

– Здравствуйте, – слегка опешив от размашистых дви-

жений раскрасневшейся девахи, сказал Костя. – А кто тут главный?

– Если по уборке, то определённо я, – усмехнулась девушка. – Зоя Стрельцова, зампредседателя сельсовета. А больше, считай, сегодня никого и не дождётесь. Председатель уехал в райцентр, бухгалтер в отгуле по делам огородным, хотя можно и позвать. А вы чего хотели?

– Я приезжий, по поводу...

– Что приезжий – это и так видно, – Зоя обтёрла руки о полы халата, затем рукавом вытерла вспотевший лоб, к которому пристали завитки выгоревших на солнце русых волос.

– Константин Белкин меня зовут. От вашего села поступали в город сигналы по поводу ведьмы, – начал Костя. – Приехал разбираться.

– Какая ведьма? Которая гадалка или которая травница? – уточнила Зоя. – Вообще я в эти их штучки не верю, в сглазы-порчи-заговоры. Но ведьм у нас тут две.

– Как две? – нахмурился Костя. – По спискам ведьма проходит одна, так что и сдавать мне её надо одну.

– Куда сдавать? На склад или в овощехранилище? – пошутила Зоя. – Вы, товарищ по поводу ведьмы, по какому такому сигналу к нам приехали? Кто вам писал?

– Писали нам разные люди, в частности, Серапионов Алексей Дормидонтович, Бажанова Ксения, Алтын Николай и несколько анонимов.

– Так вот Бажанова, баба Ксения, та самая ведьма и есть.

Гадает она, а ещё, говорят, у неё чёрная кошка живёт, – сказала Зоя. – Серапионов – это наш поп, уж если его рассказам верить, так это можно сразу сборником издавать: «Байки и рассказы села Ручейки». А у дядь Коли с новой соседкой не заладилось, вот он на неё, небось, и начал докладывать куда надо и куда не надо.

– И на кого докладывает, на кого? – уже порядком устав и с дороги, и от этого нудного разговора, спросил Костя.

– Да на Галину Спивакову, – с досадой, что приезжий никак и ничего не возьмёт в толк, сказала Зоя. – А что с нею разбираться? Она пенсионерка, бывший провизор, между прочим. И ведьмой её, заметьте, считают Алтын и батюшка.

– А, это которая травница? – уточнил Костя.

– Фитотерапевт называется, – блеснула эрудицией девушка. – И то, что она двадцать пять лет в аптеке трудилась, между прочим, даёт нам всем гарантию, что она никого не отравит.

– Или наоборот, отравит, да так, что никто на неё не подумает, – поморщился Костя. – Ладно. Давайте адреса. И той, и этой давайте.

– У вас по спискам ведьма проходит одна, так что и адрес могу дать только один, – сказала голосом записной вредины Зоя. – Ладно, шучу. Удостоверение покажите-ка. А то участковый-то у нас...

– Тоже по делам огородным? – спросил Белкин, доставая

бордовую с золотом «корочку» инквизитора.

– Нет, не угадали. В райцентре, – засмеялась девушка. – Дело о нападении открывать поехал. Пока батюшка местный воду мутит – то насчёт ведьм, то насчёт нечисти... Вот пока он воду мутит, участковый работает.

– То есть на девушку правда напали? – сделал охотничью стойку Костя.

– Дело тёмное, – пожав плечами, ответила Зоя, – но Ваня разберётся. Он у нас мозговитый.

То, с каким теплом и любовью она назвала участкового инспектора по имени, давало определённую пищу для размышлений. Но Костя особо размышлять на эту тему не стал. У него были другие поводы для раздумий.

– Ну, пока участковый работает, я тоже поработаю. Только вот вопрос: я ведь задержусь тут на пару дней, где заночевать можно? Клуб, я смотрю, стоит закрытый, общества туристов здесь, похоже, нет.

– Клуб будет до субботы закрытый, – поведала Зоя. – Приходите, кстати, кино будет новое, «Усмирение своенравного».

Кино было новым несколько месяцев назад, но тут его ещё явно не видали. Белкин умничать не стал, чтобы не получить мокрой тряпкой, а спросил, где же ему в таком случае жить.

– Вот кто вас вызывал, тот пускай о вашем проживании и заботится, – усмехнулась Зоя. – Ну, или к бабе Ксене стучитесь.

— С чувством юмора у вас, как я погляжу, всё прекрасно, — сказал Костя.

— В человеке всё должно быть прекрасно, — ответила девушка. — И я тому подтверждение!

Сняла рабочий халат, обнажив полные плечи под платьем без рукавов. Повесила халат на перила, а тряпку постелила на первую ступеньку крыльца. Потянулась и ушла в свою контору. Костя почесал нос. Баул оттягивал плечо, рюкзачок, похоже, немного перекосился. Жара донимала не слишком, но всё же хотелось и умыться, и немного расслабиться перед тем, как заниматься делом.

Интересно, как там дела у ведьмы Агаты? Устроилась?

(Агата)

Улица Прогресса поражала буйными зарослями репьев, крапивы и прочего бурьяна. Среди всего этого поистине тропического великолепия торчали крыши домов. По левую руку два и по правую два — вот и вся улица. Ну и огороды ещё там, сады-палисадники. Возле одного задумчиво бродили куры. Возле калитки с номером два на синем почтовом ящике росли вишни, так густо усаженные ягодами, что листву едва видно было.

Агата постучалась, потом покричала, но никто не откликнулся. Куда, интересно, могло понести пенсионерку с богатым ведьминским прошлым? Гадать по чужим домам? Так разгар рабочего дня, все заняты. Кто в полях, кто в огородах,

кто на ферме – каждый небось при деле. Девушка огляделась по сторонам и решительно зашагала к дому номер четыре. Тут росли подсолнухи, сонно колыхали головками желтые и розовые мальвы, цвёл рыжий лилейник в тени забора.

– Соседи! Эй, соседи! – крикнула Агата, не надеясь, впрочем, что её услышат.

Но к калитке с той стороны почти сразу подскочила пожилая женщина. Была она сухощавая, мосластая, в белом платочке. Светлое платье в синий горошек, старенькое, явно было надето для работы. Старушка отворила калитку и сказала:

– Проходи, не стой, варенье я затеяла, выкипает. Ну? Иди за мной, на заднем дворе летняя кухня. Водички попью и приду.

Удивляясь, но не задавая лишних вопросов, Агата обогнула сруб, обшитый досками, крашеными в голубой цвет. Здесь под навесом стояла плита на газовом баллоне, а на плите пузырилось розовым какое-то варево. Пахло вареньем – вишнёвым, светло-розовая пенка по краям манила ос и молодых ведьм, из которых одна как раз потянулась за ложкой. К плите приткнулся утлый столик – там ложка и нашлась, на тарелке с выщербленным краем, полной ароматной пенки.

Мама такие пенки презирала и всегда спешила варенье перемешать, топя это великолепие в сиропе, а вот бабушка обожала пенку, и её любовь передалась Агате. Девушка собрала розовую пену поближе к краю таза, аккуратно её сняла и переложила на тарелку. На ложку села тёмно-золотая

пчела, испачкала лапки – да и прилипла. Агата пошептала на неё и тихонько подула.

– Жпажиибо, – прожужжала освобождённая из сладкого липкого плена пчела и улетела.

– На жениха гадаем? – спросила за спиной пожилая соседка Га-Галины, и Агата едва не выронила ложку. – Тогда гляди в варенье, не отрываясь, только не мешай ничего. Не бойся, не пригорит.

Девушка хотела сказать, что пришла не к соседке и не за женихами, но соблазн был велик. И она посмотрела. Тёмная вишнёвая масса с выпуклыми глянцевыми шариками ягод слабо кипела на огне, и в каждом шарике Агата видела только своё отражение. Рыжие волосы, острый носик, любопытные глаза.

Хотя постоите-ка... И глаза не её, и волосы, хоть рыжие, а сильно короче, и нос вдруг как-то удлинился, на переносице появилась маленькая горбинка.

– Да ну, это так себе гадание, – сказала Агата со смехом. – Просто сегодняшний попутчик, в электричке ехали.

Но тут что-то блеснуло, и девушка ахнула. По каждой ягодке пробежалась искра, и стало видно, что на голове попутчика появилась форменная фуражка с золотой звёздочкой, а на груди – сверкающая бляха. И вдруг все эти крошечные отражения в вишнях слились воедино, и во всю поверхность тазика появилось очень серьёзное и, нельзя не признать, красивое лицо.

Звёздочка и бляха в виде костра заставили Агату покрыться мурашками и отскочить от тазика, и ложку она бросила прямо на землю.

– Инквизитор, – испуганно сказала девушка. – Никакой это не жених, это пёс-инквизитор! Ну, Костя, ну ты...

– Вот тебе и попутчик, – удивлённо протянула старушка.
– Да я, собственно, и не за этим приехала, не гадать на женихов, – опомнилась Агата. – Я по поводу вызова защитника для ведьмы. Вот разобраться не могу, к кому и зачем меня вызвали. На селе местной ведьмой числится некая гадалка Ксения Бажанова...

– Я это, – вставила, кивая, старушка. – Я и есть гадалка баб Ксения.

– Хорошо, но... уже здесь мне сказали, что здешнюю ведьму зовут Га-гали... Кхм... Галина Спивакова. Соседка ваша, похоже.

– И тут всё верно! Соседка моя – ведьма не местная, приехала, как говорит, на пару лет перекантоваться. А вызывала защитника я, только не знала, что такую пигалицу пришлют.

– У меня есть диплом и все права на защиту, – с достоинством ответила Агата. – Так что у вас произошло-то?

– А уже и ничего, выходит, зря я тебя позвала, – сказала баб Ксения. – Другой-то наш сосед, Колька Алтын, и дочка его Алёнка, на той неделе шум подняли, будто ведьма в их дом пробралась и на Алёнку напала. Мне-то показалось, что ни при чём тут Галина, не её это дело – по избушкам лазить

и девок пугать. Но поскольку сбежала она, так, видать, дело всё же нечисто.

– Расскажите поподробнее, – сказала Агата, садясь в тени навеса на низенькую скамеечку, нагретую солнцем.

Баб Ксения выключила огонь под тазиком, приставила к скамеечке столик с тарелкой, полной пенок, и пообещала:

– Сейчас чаю принесу – и расскажу.

Агата вздохнула, поняв, что придётся опять-таки сидеть и ждать, пока будет чай и рассказ. Пенки манили! Ну, а раз к ней придвинули столик, то можно попробовать хотя бы с краешку. Вкус был просто невероятный. Фантастический вкус.

Но насладиться девушке не дали. Только зачерпнула она пенку уже вымытой ложкой, как от калитки вразвалочку прибежал давешний Гогоша и сказал:

– Ага-гата!

– Вот тебе тут делать нечего, – удивлённо сказала Агата.

– Да и сухозелье уже не должно работать!

– Агата! С Га-галиной беда!

– Что такое с Га-га... тьфу. Что случилось?

– Га-га-гадость, – доложил Гогоша. – Пойдём покажу!

– Да там нет никого, и калитка заперта, – неуверенно сказала девушка. – Соседка вот говорит, что уехала Га-галина, сбежала!

– Пойдём, проведу, – предложил гусь.

И подробностей от баб Ксении хотелось, и понять, куда её

зывает Гогоша, тоже. Очень хотелось! Тьфу, но не разорваться же! Агата тайком скрутила из пальцев двойную фигу, чтобы дурная мысль не натворила дел – разорвать, понятное дело, её не разорвёт, а вот связки на таком потянуть можно. Или ногу подвернуть. Бывали случаи.

– Кстати, как так получилось, что ты говорить-то не научился, Гогоша? – спросила Агата.

– Ага-гата! – захлопал крыльями серый гусак. – Бего-гом!

– Ты ещё и командуешь?! – возмутилась Агата.

Гусь решил, что хватит время на болтовню тратить, и, тяжело перепархивая, повёл девушку тропкой через огород. Нагретые на солнце влажные грядки приятно пахли землёй. Помидоры, подвязанные к кольям тряпицами, тоже пахли, хоть и были по большей части ещё недозрелые. Буйно пёрла отовсюду всяческая ботва: Агата, хоть и была городской ведьмой, а ботанику изучала в том числе и на станции юных натуралистов. Там летнюю практику проходили как раз на огородах. Поэтому девушка уверенно опознала и морковь, и репу, и свеклу. Но были и какие-то незнакомые листики.

– Быстрее, Ага-гата! – поторопил гусь, заметив, что ведьма замедлилась, пытаясь угадать, что это такое растёт посреди грядок. – Лебеда – не лебедь, никуда не улетит!

– Ого, как ты хорошо заговорил, – слегка нахмурилась Агата, поспешая за ним. – Ты, случайно, не решил стать моим фамильяром? Я тебя в город не поташу!

– Зря, – обиженно ответил гусь. – Я бы тебя в обиду бы не га-га, не дал!

– В городе гусей держать нельзя, да и негде.

– Зря, – повторил Гогоша.

Агата, кряхтя, перелезла через завалившийся в бурьян забор. Сад Галины был запущенный и пышный, переспелой вишни видимо-невидимо, яблони сгибались от обилия плодов, черноплодная рябина и загорело-бордовый крыжовник лезли отовсюду. Где-то истошно завопили дрозды-рябинники, предупреждая, что в их владения лезет чужой.

– Будь я местным мальчишкой, уже обобрала бы тут всё, – заметила Агата, срывая с низко нависшей ветки несколько ягод вишни.

– Га-галина не гоняла. Сами бояться, – ответил гусь.

Девушка думала, что Гогоша поведёт её к дому, но тот уверенно шлёпал по тропинке через заросли вишни и черноплодки. Чуть ниже отыскался ручеёк, вросшая в землю железная бочка со стоячей водой и странный огород. Станный, потому что ухоженный, но вместо огурцов и репы тут росли травы. Некоторые из них Агата видела только в книгах, а потому сразу потянулась сорвать стебелёк-другой, чтобы разглядеть и понюхать.

– Не трога-гала бы без надобности, – проворчал Гогоша.

У дальнего забора он остановился и, вытянув шею, принялся раздвигать траву. Здесь всё заросло без порядка, хотя Агата и видела целебные травы, которые не было надобности

выращивать, знай бери из-под ног. Зверобой, уже отцветающий, полынь, пижма, тысячелистник и всякое такое...

Только сезон их сбора давно прошёл. Заваривать их можно было разве что на чай, для вкуса и самоуспокоения, что принимаешь лекарственные сборы.

– Ага-гата, – напомнил о себе гусь, – сюда.

Девушка увидела в траве под забором что-то довольно большое, серое, похожее на пыльный клоч больших перьев.

ГЛАВА 3. Дом, гусь и сова (Костя)

Калитка оказалась закрыта изнутри на деревянную щеколду и дополнительно на верёвочную петлю. Всё это, конечно, никак не могло задержать инквизитора при исполнении.

Дом Галины Спиваковой и вовсе не был заперт. Дверь нараспашку, внутри запах старого дерева и какой-то сухой травы. Костя оставил баул и рюкзак в траве у крылечка и вошёл в дом.

Убранство богатством не поражало. Кухня с печкой да комната, где стояли две железные кровати, на одной из которых кучей валялось всякое барахло. В углу приткнулся старый-престарый шкаф со стеклянным окошком на дверце. Всегда Костю интересовало, зачем там окошко? Чтобы бельё изнутри могло наблюдать за хозяйкой, что ли?

– Э, хозяева, – окликнул инквизитор, распахнув олимпийку, чтобы звезда была на виду. – Есть кто?

Но в доме было пусто, даже в подполе, куда он заглянул. Ничто не указывало на то, что тут в ближайшие пару дней кто-то жил. В хлебнице лежал чёрствый кусок хлеба, в пустом низеньком холодильнике превращалось в простоквашу молоко. Печь давно не топили, и только на плите стоял двухконфорочный керогаз, которым, видимо, пользовалась ведьма, чтобы не возиться с дровами. Костя сунулся к форсункам, но керосином пахло слабо.

Парень вышел из избы и задумчиво огляделся. Обошёл дом кругом, сам не зная зачем. Ведь если нет ведьмы, то она, вернее всего, куда-то уехала или даже сбежала. Надо зайти к этому соседу, Алтыну, узнать, что там такое произошло между Спиваковой и его дочкой на выданье. Но не успел инквизитор повернуть назад к калитке, как услышал, как кто-то, всхлипывая, ломится сквозь заросли кустов. Вишни и яблони качались, роняя яркие плоды. Костя напрягся, готовый выхватить оружие, но оно не понадобилось. На тропинку возле дома выскочила ни кто иная, как ведьма Агата, а с нею почему-то серый гусь.

Увидев Костю, девушка сначала бросилась к нему, будто хотела обнять, но затем остановилась и даже отступила на шаг. Он даже не сразу понял, почему. А поняв, прикрыл рукой звезду инквизитора на груди. Ему показалось, будто язычки пламени стали настоящими и обожгли ладонь. Значок порой нагревался при опасности, но Агата вряд ли была так уж опасна... Или нет?

– Прежде чем начнёшь меня проклинать, скажи, чего испугалась, – предложил Костя. – Надеюсь, не мёртвой ведьмы?

Агата принялась мотать головой, так что рыжие волосы выбились из хвоста на затылке.

– Ты инквизитор? – шмыгнув носом, спросила девушка.

– Ну да, а что? Это что-то меняет?

– Я ведьма, – сказала она.

– Я уже заметил, – пожал плечами Костя.

– Ты мне враг, – повысила голос девушка.

Костя только развёл руками.

– От чего и куда ты бежала? – спросил он уже совсем другим тоном.

Его строгость заставила Агату выпрямиться и вытереть заплаканное лицо.

– У меня две новости для тебя, инквизитор, – сказала она. – Во-первых, ведьму, за которой ты приехал, пока не достать. Во-вторых, я служу ковену ведьм и просто так тебе не сдамся.

– Ты в законе, успокойся, – сказал Костя, – я тебя о чём спрашивал-то? Кто тебя так напугал? Или что? Пойдём, я с ним разберусь по-нашему. Сильно обидел?

– Кто обидел? – как-то даже снисходительно, что ли, спросила Агата. – Кто, по-твоему, рискнёт? Я же ведьма.

– А чего ты тогда тут через кусты ломишься, как плачущий лось?

– А может, мне нравится изображать плачущих лосей?

Гусь посмотрел на них по очереди, сделал какие-то свои гусиные выводы и принялся мирно щипать травку возле тропинки.

– Ладно, – погрузнев, сказал Костя, – видимо, придётся завтра уезжать ни с чем.

С этими словами он сел на тёплую землю, положив руки на согнутые колени. Хорошо тут было, и, несмотря ни на что, спокойно. Ведьма неожиданно уселась рядом. Сказала:

– А я не могу. Мне теперь придётся выяснять, кто убил сову.

– Сову?

– У ведьм часто есть животные-помощники. На самом деле в них заключена часть ведьминога духа. Мы... Ну, то есть, ведьмы сами по себе ни в кого не превращаются, а берут тело помощника.

– Тааак, – протянул Костя, – мы, кажется, это проходили.

– Да неужели? – ехидно спросила Агата.

– Ну да. Но тогда была теория, а на практике я пока не это, – тут он сбился и покосился на девушку, – практика у меня пока не очень. Это моё первое задание.

– Моё тоже, – со вздохом призналась Агата. – И что? Ты вот так просто, не разобравшись, уедешь?

– Мне и не надо было разбираться в том, кто убил помощника ведьмы, – пожал плечами инквизитор. – На участке оказалась лишняя ведьма: здесь зарегистрирована была

только одна, гадалка Ксения Бажанова, а теперь выясняется, что ещё и Галина какая-то проживает. Да не просто проживает, а становится кошкой и вредит. Я приехал проверить. Но лишней ведьмы нет, даже на птичьих правах нет, могу уезжать.

– Вот именно что на птичьих, – сказала Агата. – Я тоже не сразу разобралась, кто тут ведьма, кроме меня, конечно. Слушай, – тут она неожиданно толкнула инквизитора плечом, – а ведь это похоже на начало детектива. Скажи?!

– Искать пропавшую ведьму?

– Да ты, похоже, на одни двойки учился, – возмутилась Агата. – Я тебе о чём уже полчаса толкую, малахольный ты мой? Убита ведьмина сова.

– Ну и что? – спросил Костя, уязвлённый её словами.

– Мне надо осмотреть тело совы как следует, но по всему – убили её тогда, когда телом пользовалась ведьма.

– Га-га, – заинтересованно поднял голову гусь.

– Да, Гогоша, Га-галина, – с улыбкой сказала девушка и погладила гуся по крылу.

– Ты чего, не знаешь, как гуси больно щиплются? – опешил Константин.

– Я тебя учу, как ведьм арестовывать? – спросила Агата. – Ну вот и ты меня не учи, как с животными ладить. Лучше тебя знаю! Пошли обратно к сове, принесём её сюда и как следует осмотрим.

Сова была большая, серая, с остекленевшими чёрными,

будто ночь, глазами. Клюв с желтовато-серой восковицей был приоткрыт, крылья уже заоченели и не хотели складываться. Костя взял птицу в охапку и потащил к дому.

– Это серая неясность, – поясняла Агата, идя следом. – Вообще ведьма может сделать помощником любую птицу или любого зверя, но совы и кошки – это классика жанра.

– Га-га, – напомнил о себе гусак, как привязанный, ходящий за девушкой.

– А вот гусей ещё никто фамильярами не делал, – повернулась к нему Агата. – Не надейся!

– Фамильярами? – уцепился за знакомое слово Костя. – Это же духи-помощники же, да?

– Э нет, дух тебе мало чем поможет, если ты ведьма. А вот животное – другое же дело, – уверенно сказала Агата.

– И чем помогла эта сова?

– Жизнь ведьме спасла. Только...

– Что «только»? – прицепился Костя.

– Только в случае, если ведьма находилась в теле фамильяра, её человеческое тело может того, развоплотиться.

– Совсем?

– Нет, не совсем, а где-то на несколько дней – зависит всё от фазы луны. Сейчас у нас тринадцатый лунный день, луна растущая, значит, не раньше пятнадцатого или шестнадцатого лунного дня на рассвете надо провести обряд, и она вернётся.

Тут девушка вздохнула, словно впервые что-то осознала.

– То есть я тут как минимум на три дня. Ну и ты заодно, если, конечно, к этой ведьме приехал.

Костя, дойдя до крыльца, положил сову на нагретые солнцем доски и пожал плечами. Надо было как-то свыкнуться с мыслью, что он завтра не поедет обратно, а останется в Ручейках.

– Зато будет время опросить население, – сказал он. – Пострадавшую Алёну Алтын, её отца, и служителя церкви, раз они нам сигнализировали... Соседку ту же.

Агата встала на колени возле совы и стала копать в пыльных перьях.

– Дробью жажнули, – сказала она с досадой. – И да, если сова ещё окоченелая, то убили её где-то этой ночью или даже утром.

Костя сел на единственную ступеньку, отколупнул с неё чешуйку коричневой краски.

– В селе две ведьмы, если тебя не считать, – сказал он. – Вторая – соседка этой, убитой.

– Она не убита, а развоплощена, и я возьму на себя ответственность за её возвращение, если, конечно, ты на меня не наденешь наручники и не повезёшь на костёр.

– За что же? – изумлённо выговорил Костя.

– За несанкционированный ведьмовской обряд?

– Ну я это... у меня до шестого уровня бирка, могу и санкционировать. Но ты всё-таки знаешь... Не демонизируй-ка мой отдел, поняла? Я о ведьмах вот ещё ни разу плохо не

сказал, а ты уже мне тут наговорила! А я вообще о другом хотел.

– Ох, – язвительно сказала Агата, осторожно переворачивая неясить на живот. – Ну говори... о другом.

– В селе две ведьмы. Эта, судя по всему, травница, а та гадалка. Кому из них надо нападать на молодую девушку на выданье? Ночью, в виде чёрной кошки.

– Ну точно не Галине, – ответила девушка, указывая на сову. – Ты же видишь. Галина пользовалась телом совы.

– Она сто процентов не могла стать чёрной кошкой?

Гусь, который всё торчал тут, пасся среди травки, вдруг загоготал так, словно смеялся. Усмехнулась и ведьма, причем, какой-то взрослой женской усмешкой, словно ей лет сорок, а не сколько ей там? Двадцать три?

– Костик, – с неожиданной нежностью сказала Агата. – Если ведьма становится совой – она и на девиц на выданье нападает совой, и по делам в соседнюю деревню летает совой, и даже, прикинь, с другими ведьмами может общаться именно совой. Кошкой она – сто процентов! – не станет. Потому что для этого ей нужно единение, Костя, единение с КОШКОЙ. А это, блин, СОВА!

– «Прикинь», «блин», – поморщился инквизитор. – Ты же не пятиклашка-двоечница, так выражаться. Где понабралась?

– От братца младшего, – насупилась ведьма. – А что?

– Родной язык коверкаешь, – сказал Костя.

– Зануда, – Агата ещё и язык показала, подтверждая, что она личность незрелая и отчасти даже хулиганская.

– Что с ведьмы взять? – вырвалось у Кости.

– Буду рада, если всё останется при мне! – отбрила Агата.
– Ладно, чего сидеть. Ты с вещами, я смотрю? Мой рюкзак остался у баб Ксени, это та самая гадалка. Сейчас его заберу, бросим вещи тут – и пойдём.

– Куда?

– Опрашивать свидетелей, – девушка подошла, нагнулась над сидящим инквизитором и хлопнула его по плечу. – И потерпевших. И кого там ещё найдём. Кстати! Нам в электричке сказали, что тут ещё и студенты где-то хулиганят...

– Студенты-то при чём?

– Ну вот вернутся вечером с практики, и узнаем. Они небось вечером по всему селу шляются – вдруг чего видели?

– Кстати, а где их, интересно, поселили? Клуб закрыт, – задумчиво сказал Костя, которого по-прежнему волновал вопрос проживания.

– Где-нибудь в баракке возле овощебазы или элеватора, – пожал плечами Агата. – Что не мешает им ошиваться там, где можно пожить. Нарвать вишни бесплатно, например, – тут она посмотрела на кусты и деревья, в изобилии окружавшие домик. – Соседка вон вишнёвое варенье варит, между прочим. А у самой ни одного деревца. Обирает Галину.

Костя сказал:

– Я бы на студентов не рассчитывал. Соседи же пока не пришли со своих полей или где они там. Жаль, я бы начал именно с пострадавших, с Алёны Алтын...

– Точно, – подхватила Агата. – Но пока она вне досягаемости. Есть баб Ксения и...

– И есть священник, – сказал Костя. – С них и начнём!

– Гогоша, – девушка посмотрела на гуся, – как считаешь, с кого лучше начать?

Костя, конечно, не ожидал, что гусак ответит. Но тот посмотрел, повернув голову, и, раскрыв клюв, разразился целой речью.

– Баб Ксения, говорит, скоро сама придёт, а у попа особых дел нет. Идём, значит, в церковь – заодно ознакомимся с местной достопримечательностью.

– Это всё тебе гусь рассказал? – деловито уточнил Костя.

– А что? Не веришь?

– Почему, вполне верю, хотя, конечно...

– Хотя конечно – что?

– Хотя, конечно, свидетельские показания гуся к делу не пришьёшь, – пожал плечами инквизитор. – Ладно, пошли. В церковь так в церковь!

ГЛАВА 4. Алексей Дормидонтович
(Агата)

Не успели они сложить вещи в доме Галины и выйти за калитку, как на них выскочила встрёпанная соседка баб Ксения. В руке она за лямки держала Агатин рюкзак.

– А я тебя потеряла, – обратилась старушка к Агате.
И осеклась, увидев Костю.

– Так это он, вишнёвый, – сказала удивлённо. – Так быстро ещё не сбывалось! Ты, парень, что же, арестовывать её приехал... Или как?

– Здравствуйте, – голосом примерного ученика и отличника сказал Костя. – Никого я пока арестовывать не буду. Я по делу Галины Спиваковой приехал, да вот нет её...

– Пока нет, – вставила Агата почти ревниво, забирая из рук баб Ксени рюкзак.

– Ну да, ну да, говорю ж – набезобразничала да сбежала, – закивала гадалка. – Наше ведьмино дело позорит!

– Так это вы свидетельница по делу, – как-то нехорошо обрадовался Костя и вытащил из кармана брюк бордовую «корочку» с золотом.

А из неё достал золотисто сверкнувшую пластинку – да не из пластика, а какую-то металлическую, на вид тонкую и тяжёлую. Пластинка поймала лучик солнца, и солнечные зайчики разбежались по лицу баб Ксени. Та прищурилась. То ли испугалась, то ли нет, но засуетилась. Агату слегка замутило, хотя отсветы падали только на старушку.

– Алёнка-то вечером придёт – её расспросите, – быстро сказала баб Ксения, – а у меня там варенье. Сама-то я ничего не видела и не слышала, сплю я крепко. Очень крепко!

– Попрошу не покидать село в течение двадцати четырёх часов, – сказал Костя официально, и гадалка поспешно за-

кивала.

– Власть вашу признаю и подчиняюсь! – отрапортовала довольно бодро и заторопилась домой.

– Интересная какая, фактурная, – задумчиво сказал инквизитор. – Как ведьма слабая, а как человек вредная. Интересно...

– Лучше бы спросил, где батюшку искать, – не выдержала Агата, – чем старушек биркой с доступом пугать.

– Я даже не начинал, никакого воздействия, – пряча золотую пластинку в карман, заверил её Костя.

– Угу, то-то мне так дурно стало.

– Это всё духота. Будет дождь, – сказал Костя. – А батюшку искать, понятное дело, надо в часовне. Вон там, видишь, на пригорке? Гогоша, остаёшься возле дома, будешь часовым, понял? Обо всём потом доложишь!

Гусак вытянул голову и гоготнул, соглашаясь нести службу. А затем вернулся к пощипыванию придорожной травы.

Вопреки ожиданиям, в часовенке ничем особенным не пахло, кроме разве что недавно намытых деревянных полов. Словоохотливая старушка, вытиравшая пыль с широких низких подоконников, сообщила, что батюшка Алексей сейчас не в церкви, а в своём доме, а сюда придёт только к вечерней службе. Заодно успела рассказать, что нынче – Евдокимов день, работать в огороде или в поле хорошая примета, а без дела «лытать» нехорошая.

– Без дела мотаться всегда плохая примета, – пожал плечами, сказал Константин, – однако у нас как раз таки дело.

– Если дело, тогда другое дело, – напевно сказала бабуля.
– Подите в огороды, там он. А ко мне сейчас придут студентки, будем для них с соседкой песни петь да заговоры говорить.

– Фольклорницы? – удивилась Агата. – А где их поселили?

– Да там же, где и физкультурников – возле овощебазы. Одну сарайку для мальчишек приготовили, другу – для девочек. Не по факультетам же их делить.

– Ага, – деловито сказал Костя. – Надо будет наведаться.

– Думаешь о том же, о чём и я? – спросила Агата.

– Среди студенток филологического частенько водятся слабенкие ведьмы, они-то как раз главные охотницы за народными заговорами, – кивнул инквизитор.

– Ишь ты поди ж ты, – проворчала церковная бабушка. – А сами-то за чем охотники?

– За ведьмами, – сурово сдвинув брови, сказал Костя, и у бабушки не нашлось больше слов.

Перекрестившись, она поспешила скрыться в подсобке – Агата не была особенно религиозной и не знала, как называются все эти церковные помещения.

– Слушай, а церковь-то у них, – начала девушка, выйдя на воздух.

– Часовня.

– А какая разница?

– Здесь постоянный священнослужитель может и не жить, звонницы и звонаря нет. Видишь, колокол один, маленький, и у двери висит сам по себе? А внутри престола и алтаря нет. Сюда только время от времени заглядывают, поп может и вовсе по большим праздникам только приезжать. Ограды нет, кладбище вон общее – тут и звёзды, и кресты, и даже вон, полумесяц. Так что часовня, – ответил Константин.

– Никогда не разбиралась.

– Ты же ведьма, тебя такие места и вовсе отпугивать должны, – пожал плечами Костя.

– А! Вот! – обрадовалась Агата. – Я как раз и хотела сказать! В этой це... часовне никакого упадка сил у меня не было. Нечисто в ней.

– Я тоже что-то такое почувствовал, но проверять не стал. У меня, знаешь, кинжал в бауле остался, не думал, что надо будет проверять на святость.

– Костя, как тебя в комсомол-то приняли, – фыркнула Агата. – На святость!

– Ну извини, инквизиторы раньше отдельно от религии не существовали, так и было: Святая Инквизиция, – сказал Костя. – А теперь мы на службе Стране, которая...

– Ладно-ладно, – перебила Агата, избегавшая политических разговоров. – Всё и так понятно. Ты инквизитор, тебе с местным попом проще общаться будет, а я буду помалкивать.

За часовенкой действительно было кладбище, и просто

удивительно, как глазастый Костик сумел разглядеть там надгробия. По правую руку начинались поля, а за ними – лес. Ну, а по левую Агата с Костей увидели белёный домишко, вросший в землю чуть ли не по самые окна. Резные наличники и крыша были выкрашены синей краской. Домишко утопал в зелени так, что и забора не было видно. У калитки топтался, крутя хвостом-бубликом, небольшой лохматый пёс, рыжий с белым и ничуть не страшный. При виде незнакомцев он пару раз гавкнул, счёл правила хорошего тона соблюденными и улёгся на тропинку – подремать.

Протоптанная тропинка огибала дом. Она вывела ребят на картофельные уголья. Единственный среди пышных отцветших кустов картошки человек был одет в белую рубашку и тёмные штаны, подвёрнутые до колен. На белобрысой голове у него была цветастая панамочка размера этак на три меньше, чем надо. Завидев гостей, мужчина воткнул в грядку вилы.

– Добрый день, – щурясь на солнце, сказал Константин.
– Здравствуйте, молодые люди.
– А не вы ли будете Алексей Дормидонтович?
– Отец Алексей, – поправил мужчина. – Чем обязан?
– Уже картошечку копаете? – вежливо спросил Костя.
– Да где копаю, рановато, – охотно ответил мужчина. – Так, на ужин сварить молоденькой, в мундире. Люблю!

Картошка в мундире! С маслицем и солью, да ещё с укропчиком! У Агаты тут же потекли слюнки. А в голове

пронеслось, что припасов у неё никаких, и надо как-то этим озаботиться, если она не хочет остаться голодной на ночь. Мысль о том, имеет ли она право покопаться немножко на огороде и в доме Га-Галины, заняла девушку. Едва не пропустила, когда их пригласили к столу.

Стол стоял тут же под двумя яблонями. Откуда ни возьмись появилась молодая женщина с запотевшей от холода трёхлитровкой ягодного компота и миской оладий. Вишнёвое варенье и сметана прилагались.

– Угощайтесь, молодые люди, чем Бог послал, – сказала женщина, и тут же незаметно убралась куда-то, а батюшка задумчиво поглядел на то место, где она стояла.

У него были светлые волосы до плеч и рыжеватая борода. Не понять, какого возраста был этот человек: вроде как морщинок много, но все в основном вокруг глаз. Вообще на священника отец Алексей походил не особо. Скорее на какого-нибудь егеря или охотника, по крайней мере в представлении городской книжной девочки Агаты.

– Итак, молодые люди, слушаю вас. Венчаться вы вряд ли хотите, так какого вас... Так зачем вы тут?

– А нас тоже бог послал, – вырвалось у Агаты, и Костя, сидевший на лавочке совсем близко, двинул её под столом ногой.

Уй. Хорошо он в кедах, а если бы у него ботинки были?! Агата ответила пинком, и некоторое время они самозабвенно пинались под столом под внимательным и добрым взгля-

дом отца Алексия. Потом ему, видимо, надоело, и он придвинул к ребятам миску с оладьями.

– Да вы ешьте, ешьте, – сказал он. – И рассказывайте!

– Венчаться точно не хотим, – спокойно сказал Костя, а Агата напротив, закашлялась компотом. – Я вообще-то к вам приехал из-за писем, – сказал Костя, напуская на себя серьёзность и суровость. – Вы сигнализировали?

И даже вынул из кармана, протянул Алексею исписанный тетрадный листок в узкую линейку.

– «Николай Алтын, Алёна Алтын... Встала воды попить... Сидела кошка чёрная, большая... Выстрелил и в кошку попал... Цыплят шпарила...», – принялся бормотать священник, вытягивая губы дудочкой. – Да, помню такое письмо, писал его. На этой неделе, во вторник, с оказией отправил. Что ж вы так долго, молодой человек?

– Так сегодня только ещё четверг, – удивилась Агата. – Разве долго?

– А это что же, помощница ваша? Неужто и девочек стали в инквизиторское брать? – удивился поп.

– Я ведьма, – сказала Агата, – никто меня в «инквизиторское» не брал. Защитница для Спиваковой Галины я.

– Это что ж такое значит, «защитница»? – поднял густые светлые брови отец Алексей. – Адвокат?

– По сути да, – ответила девушка. – Прибыла, чтобы не допустить самосуда. Но его уже произвели. Вы мне скажите, отец Алексей, а вот из чего в кошку стреляли эти Алтыновы?

– Коля Алтын стрелял, охотничье ружьё у него. Дробью стрелял, иначе бы от кошки мало что бы осталось, – сказал поп и вдруг перекрестился. – Но только ведь не просто кошка это была!

– А почему вы тут все решили, что именно Галина в окно к Алтынам лазила? – спросила Агата.

– Эй, это моё дело, устанавливать степень вины ведьмы, – шепнул ей Костя. – Ну договорились же, что я буду спрашивать!

– А если ты не то спрашивать будешь? – заспорила Агата тоже шёпотом, хотя отец Алексей наверняка и так всё слышал.

– В селе проживают две ведьмы, почему вы подумали именно на Галину? – спросил Костя.

– Так ведь наутро Галина с перебинтованной ногой появилась, – уверенно ответил батюшка. – Ксения-то ведь Никитишна не хромала. Да вы у самих Алтынов-то вечером спросите. Кому, как не им лучше знать! Вот как придут с полей, чего ж лучше-то, поспросать.

– А сами вы с ведьмой Спиваковой конфликтовали? – строго спросил Костя.

– Я ей внушение делал, чтобы зря своими травками-отравками людей не травила, пусть или в аптеку едут, или к Богу обращаются за помощью, – серьёзно сказал отец Алексей. – Бывало, что и ругались с нею на религиозной почве, но она не безбожница, а хуже: бесовской веры, еретической.

– Ведьмы никакой не веры, у нас магический дар, а не какая-то там ересь, – обиделась Агата. – И хочу напомнить, что после Великой войны ведьмы полностью оправданы и являются такими же гражданами нашей страны, как и всякие там священники!

Алексий в ответ обижаться не стал, а сказал рассудительно:

– Да я и не говорю, что Галина Дементьевна не гражданка, бог с тобою! Да только не верю я в эти заговоры и зелья! О чём и председателю исполкома говорил, и фельдшеру, да и вам, инквизиторам, писал неоднократно. Не хочешь свечу за здоровье ставить – в фельдшерском пункте всё есть, и зелёнка, и аспирин, и аскорбинка.

Костик не сдержал ехидной усмешки. А вот Агате было обидно. Галина, судя по травам на её огороде, была толковым фитотерапевтом, да и образование фармацевта означал, что ведьма разбиралась не только в сортах зелёнки!

– А ружьё у вас есть, отец Алексий? – спросила она внешне.

– Помилуй Бог, – перекрестился поп, – как можно?

– А если мы проверим?

– Проверяйте, – развёл руками Алексий. – Только ведь я не охотник и не браконьер. Этим у нас Колька Алтын промышляет, да ещё несколько человек, у кого охотничьи билеты есть... и у кого нет. Не говоря о том, что у некоторых ещё с войны остались боеприпасы. У Бажановых, у Краси-

ных, Рублёвых... А я отцовскую винтовку сдал сразу. Потому что я за мир. И на охоту не хожу, и стрелять ни в кого не стреляю. А что Ксении Никитишны зять лесником был, пока в район не подался, или что у Михайленко до сих пор калаш хранится, я ж на всю деревню не треплюсь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.